

ХЕЛЪГА ОЛЪШВАНГ

ТРОСТНИК:

* * *

Морщит в плечах материк, а прежний совсем изношен.
Пробирало холодом из прорех.
Повернись. Что-то тебя тревожит.
Дыши. Не дыши. Посмотри наверх.
Так замри уж.
Припуск. Булавки блещут.
Припуск. Прилив. Скоро пуцу. Прилив.
Ничего-ничего, привыкнешь,
звуками здешней речи
облаченный, старую утолив.

Встань под солнце. Не двигай пока руками.
На живую согнанная едва,
явь соскользнет, и розными берегами
станут прошлые рукава.
Спешит-не спешит, но оба опавших платья
перешагнешь, стран, представая там

нагим, лепеча об изгнании, о проклятьи
двуязыкие жалобы не понимающим их садам.

29 апреля 2002

* * *

Которую вечность уже
свое "невозможно" бормочет море.
В ответ на что-то или, забыв причину,
само себе.

Нет бы внять, повторять это слово,
пока тебя сон не сморит,
повторять, шевеля губами,
этот - любой подходящий любви - припев.

Невод можно закинуть трижды,
можно выложить на берегу, среди
песка, Богорыбу из тины, или же - изнутри жизнь
законопатить, треснувшую в груди.

май 2002

* * *

Берег лишился передних зубов
двух – и свистит из пустот.
Осени труд – перевозка гробов
с Нового света на тот.
Новое войско пора собирать,
тучи и птичьи полки,
шлемы ковать и кольчуги латать,
сталью крепить каблуки.
Не до богов, не до яблок: созрев,
рухнут во снег, догнивать.
Город в опале, и вот, как на грех,
нечем дары разжевать.
Освистом,
окликом,
оком в окно,
яблочным соком веков
явь наступает однажды, войной,
вышедшей из берегов.

30 октября 2001, Нью-Йорк

* * *

На верхней полке Ленинграда,
графинами заставлен, спишь,
церквей, у блюдечка с отрадой,
отравой, каменная мышь.

Петровским плугом вскрыты норы,
каналов срыты потолки,
и от лежачего дозора
котов над стеклами реки

не скроешься.
И под углом, так,
чтобы захлопнуть с высоты,
подвешены за лунный ломтик
дворцы, и дверцы, и мосты.

апрель 2002

* * *

Чье терпение раньше иссякнет:
ветки - указывать верх?
мое - оставаться тут?
Голосов отвечать на стук "к ней пока нельзя,
нет, пока нельзя",
"вас позовут",

Или из капельницы - верблюдов,
проникать сквозь иглу, караваном, в кровь?
И
даст ли к отбытию залп,
знак - срочно покинуть кров,
верба, серым застыв салютом?

10 - 30 апреля 2002

* * *

Цепляясь за полу воспоминанья,
спешащего, как мать, – ещё побудь! –
оно за двери, оставляю город.
И самолёт просверкивает путь

сквозь грозовую тучу – дальше, дальше,
луга, огни, полуденный собор
и площадь в точках голубей журчащих,
Финляндия в обломках серых гор,

Норвегии края, как кружево подола,
подмочены волной, пока
рассеянная прачка, локтем голым
прикрыв глаза, глядит на облака,

на оловянный крестик, с дымной нити
соскальзывающий в зенит...
Земля кончается. Воспоминанье длится.
Под ливнем океан звенит

внизу, и тень перебирая
меж волн, всё, что вода спешит соткать,
к рассвету, потянув у края,
я расплету опять.

22 апреля 1999

ВСЛУХ:

Сами укроются, сами уймутся, состарясь,
дети, и сами себя обличат.

Ими забытое: ты, красота, грязь,
грядки на родине, чад,
каша, наследство.

Ходи - не ходи теперь,
призрак,
беспечные спят.

Все, что казалось немислимым вытерпеть -
рай, обращенное вспять.

май 2002

* * *

Если бы могла я, как Басё,
все списать на иней: ломкость
сна предутреннего,
холод щек,
в горле ком, злость,

пробирающую мне,
словно ксилофону,
кости, вот сейчас, насквозь,

лицом к стене,
в комнате непробужденье,
век неразмыкающихся жженье.

Ветка в инее,
в окне.

апрель 2002

КИМРЫ, АПРЕЛЬ.

Полшестого, семь.

Привычно вымер пригород
и поголубели окна. Всем
улыбаясь комнатам, задвигал ртом
диктор.

Повисев,

самолет погас, и стало слышно внятное,
ниоткуда: "...тем,
миленький, светлее жить, поняв, что есть
смерть. И это насовсем."

7 апреля 2002

* * *

Ночью: возглас старухи - "страшно".
Смрад изо рта. В утешенье - "спи",
наклониться некому. Где он, шепот, терпенье любви вчерашней,
лица к лицу милосердный склон. Пустота, корпи
над пергаментом лба,
не все ли теперь равно, чей -
(тьма, тьма) - доносится плач.
Качни колыбель, посередине ночи
укрой по самое темя. Спрячь.

4 апреля 2002

* * *

В паучьих узелках упрятано - хранить,
сияние рассовано дневное.
Слюной упрочена, удерживает нить
довески прожитого зноя.

В испарине листва. И не перевернуть
холодной стороной Земли под ухом,
когда, проснувшись, силишься вдохнуть,
напуганный своим сердечным стуком.

Жары не пережить. Одним лишь паукам
оставлено еще благоразумье
радеть о старости. О получении суммы
сполна лучей и слез, по зимним номеркам.

30 апреля 2002

* * *

Я не мельник, я ворон ...
А.С.Пушкин

Я не ворон, я мельник.
Бинокль, смотри, наведи
не на снег, а на чёрное – ветви,
ручьи подо льдом.

Не на марлю в окне,
а на раму вокруг. Но в один
глаз смотрящего мельница машет крылом,
а в другой машет сумрак вороньим крылом. И на круг,
замирая, ложится зерно.

Проследи приближение ветра.
Мукой обернётся зерно.
Обернётся душа, уносимая в клюве. Темно
только там, по контрасту, где можно сличить небеса
с белым фартуком, мельничным снегом и светом в глаза.

Я не ворон, я мельник.
Безумье моё облетит
белоснежные лопасти времени. Ветер сместит
направление севера к окрику, к свету крыла,
с циферблата сметая вращением, кроме числа,
так же снег и муку.
Я не ворон, Офелия. Реки текут против крови, как правило,
чёрные зёрна минут
в белизну обращая, зрачки обращая в стекло.

Проплывая, гляди: рассветает.
Уже рассвело.

14

14

* * *

Когда бы всех солдатиков опять
в обеденную ложку переплавить,
заупокрой накапать валидол
и пригубив, остаток о подол
усердно вытереть.
Когда бы герб двуглавый
Ярилом, решкой стал на голубом щите –
печной заслонке Родины, когда бы
монархи корчевали баобабы,
хоть изредка, в беспечной нищете
росли наследники, водили хороводы
и соблюдали целостность границ,
прогнозами божественной погоды
пестрели бы листья передовиц,
советами врачей от ожиренья,
рецептами супов, и мир бы поутих...
Нанизывай зубов драконьих ожерелье,
дитя,
оплакивай солдатиков своих.

5 сентября 2001

* * *

Я завидую дереву:

мысли его не слышны,
невесомы движенья, и дети его не оставят,
и родятся они неприметно легко,
словно сны,
словно светлая пыль с распростертых ветвей отлетая.

Я завидую тем, кто укроется этой зимой
в нежной клети коры,
в ее створчатых сводах.

Стрекотаньем доверчивым, нежной пленясь кутерьмой,
насекомое плечиком серым прильнуло у входа.

В теле дерева - темень. И теплое лоно его
устилает пыльца облупившихся коконов - с лета,
скорлупа колыбелей,
какой-то бесследной совой
занесенные перья и косточки тонких скелетов.

И бесшумно струит земляную, зеленую кровь
деревянное сердце вдоль жил золотых, наполняя
неподвижное тело в коре - от корней до корон,
прикорнувших зимовщиков тельца собой согревая.

Вот и мне, в ожидании каждой грядущей зимы,
неминуемо горькой в сквозящем своем приближеньи,
так и хочется к дереву - в плен его тьмы,
в серый кокон укрыться
младенческим сонным движеньем.

май 1990

* * *

Справа налево, с вечера до вчера.
С памяти о рассказанном до движенья
губ, горла и в нем бугра
неба и темени, отраженья
в зеркале прежних владельцев.
Ко лбу крестом
себя осенив , отопру квартиру,
увиджу все прежним, и в пыльное лоно мира,
обратно,
в балконный ящик
                    врасту
                    кустом.

2 июля 2001 г.

* * *

О, лов наяд!
Как безнадежно сеть
натягивают, в упряжи воловьей,
в меридианах волны. Не успеть
к себе вернуться засветло с уловом.

То локоть, то колено промелькнут,
то вспыхнут смехом, то окатят
водой с ладони, то к веслу прильнут,
то снова скроются, пока ты

ворочаешь тяжелыми, паук,
мотками ила, чертыхаясь.
Уже закат.
И тополиный пух
по комнате. И кашель утихает.

23 января 2002

ДВОР СВЕРХУ

в январе:
пустые сапоги
покрыты инеем.
Ремонт трубопровода.
Четыре тополя - обрубки.

Двор сверху, в августе.
Присыпана песком,
темнеет крышка люка на конверте.
Сургучная. Автомобиль мыском,
как реку,
трогает дорогу перед смертью.

Двор в сумерках,
в знаменах, в стременах
малярной упряжи и в золотом уборе.
В прошедшем,
совершенном временах
склонением извечным на заборе.
С увечными деревьями.

Экран
прямой трансляции то свадеб,
то похорон, то врачеванья ран
РЭО бригадами.

И взгляда
не отвести. И рук не опустить.
Кариатиду неба не обрушить.
Карниза. Гнева.

Дворник подмести
готовится.
И потирает уши.

18 января 2002

* * *

Кто же теперь мне ее вернет,
комнату, чья так тиха щеколда,
чью так застенчиво ветер мнет
занавеску, прильнув щекой,
дыша на стекла. Не разглядеть, темно.

Ключ на притолке, там, в трухе.
Крендель лежит высоко запретный.
Сколько, стоя на сквозняке,
на мысках, ни пытайся достать, на это
уже не хватит длины руке.

Орбиты сужаются у светил
до размера замочных скважин,
или их удастся покинуть.
Никто не скажет.
Сколько бы дуг на пыли
палец ни прочертил.

15 января 2002

* * *

Утро отворяется. Упасть в сад
тень оконного креста
изготовилась, и замирает паства
птиц, молитвенники пролистав.

Взорами вперяясь исподлюбья
в стекла отворяемые, ждут.
Вдруг, в зазоре неба он и оба
рядом отражения взойдут.

Прерывая в кухне ссору, зlostным,
правнучка Франциска: "Гад,-
ором,- пропади ты...", крошек горсть им,
"...пропадом!" - бросает в сад.

2 марта 2002

* * *

О.Д.

В смерти проточной
сотое сито песка промыв,
обнаружу точку одну лишь блеска,
все о себе навсегда забыв, -
секунду памяти: летний лес,
ко мне в резиновых сапогах
идешь, запрокинув на свет лицо.
Так звезда и останется, велика
проскочить в темень, как все,
последняя в мокрых сотах.

5 марта 2002

* * *

Волшебный умысел в устройстве этих стран.
Их так легко покинуть, и никто
в слезах не озирается, на трап
всходя, в дорожное пальто
не зашивает ладанки, не длит
пожатье, на ладонь земли
не набирает с берега. Пуста
скамья для провожающих. Борта
не отирает локоть. В свой черед
земля, сужаясь, исчезает в миг,
как не было.
Не больно.
Не похож
на сына странник, на отца старик.
Стабилизатор унимает дрожь
видеокамер. Так они стоят
друг против друга – странник и старик,
стекло к стеклу, в упор самих себя
снимая в дождь
на фоне стран своих.

апрель 2000, Shelter Island, NY

* * *

Это двое бездомных
через площадь идут.
Туча времени. Сонмы
беззаботных минут.

На обшлаг и на ворот,
ветошь капора - ей,
на него, и на город
свет из лейки полей.

Справедливый садовник,
эти тоже цветки.
Не краса городов, но
ничего. Сорняки.

Безобидные. Видишь,
улыбаются. Вне
расписаний, судилищ,
новостей, трудодней.

Это я, постаревши,
в четырех свитерах
разгрызаю орешек.
Это - тленом пропах, -

ты, беззубый.(Тебе и
достаётся ядро.)
В толстой шапке потеешь,
потираешь бедро.

Это, видимо, Бог. Но
заслоняет стена
снега, света...
Любовно
сверху смотрит на нас.

10 января 2002

* * *

Грач ворону брат.
Месяц – огрызку.
Дашь серебра
нищему – рад.
В ночь, под расписку
пустишь солдата. Нынче мы все –
дочери, братья.
Этот – сосед.
Тот – соглядатай.

Крап, рублище, шов,
китель, нашивки...
Всех в темный мешок –
умер ли, жив, как
срок подойдет,
ночь перепрячет.
Сам черт не найдет.
Этот – горячий,
тот - ледяной,
эта – блудница...
Всем роздано поровну снов.
Небо затмится –
нет ни души.
Ворон ли, грач
всхлипнет во тьме –
крепче мешок завяжи,
распишись,
время отметь.

* * *

Холод. И самое время одежду придумывать:
Длинное – чертовой кожи пальто на меху, на пуху.
В пол рукава – не прикуришь. В бреду бы вам
шапки такой не явилось на ум, со звездой наверху.

И по колени, по бедра, навроде охотничьих,
только теплей, сапоги – и за век не стоптать.
Шаль до бровей, подбородка – пророчества
метеоролога, чтоб не услышал никто,
в шерстяное гнездо прошептать.

Самое время придумывать лето в отечестве,
парк развлечений какой-нибудь, лавку, сиренью усыпанный том
на коленях, и диктора о человечестве
свыше,
и долгую песню потом.

5 ноября 2001

* * *

Дождь окончился. Умолкла
"Зингеров" трескучая семья.
Дострочила, изо рта иголку
вынула последняя швея.

Так, отхлынув ситцем, кровь от
сердца, привод от ступни
отлетает теплый провод,
выдернутый, от стены.

Тень от туловища. Платье -
тело от души,
тихо разомкнув объятья,
на свету лежи.

февраль 2002

* * *

Дом повернут по оси.
Гуси пролетят на север
мимо окон. Погаси
свет и тени их по всем вечерним стенам пронеси.

Тушью перья отемни
и с наклоном напиши по
небу серому. Огни
препинания, с нажимом,
не забудь проставить. Ширму
сна китайского согни,

раму поверни вослед им –
петли заскрипят, и мимо
в оперении до пят,
окон, пролетая к свету
ты становишься одним из

них,

иероглифом последним
в небе завершая стих.

октябрь 2001

* * *

Швея, за поручни держась,
снисходит в подземелье. Вторник.
И проплывает под землей,
как Персефона, величава,
осознавая, что держава
незримая над головой,
прошита прочно кружевами,
цветными крестиками птиц,
воланами и галунами,
суровой нитью у границ.

15 мая 2001

* * *

С. Л.

Мой собеседник неподвластен снам
и голоду. Он так легко шагает
с горы на холм, качаются над ним
полуденные тихие стрекозы,
когда он переходит через мост,
не отражаясь. Мелкая река
несётся вскачь и навсегда уносит
оброненное ястребом перо.
Под вечер он увидит ту же реку,
на медь и копоть местного причала
сменившую дневное серебро.
Мой собеседник, стоя у окна
гостиницы приземистой, снимает
рубашку и выкладывает в ряд
перед собой блокнот, зелёный камень,
ключи, дорожный справочник, зерно
и карту устарелую. С ногами
садится на постель спиной к стене,
лицом к окну и молча намечает
дальнейший путь. Я видела во сне,
как он наутро покидает город,
как странствует по Азии и с ним
случаются истории, как после
двух неудач он всё же переходит
границу на Тянь-Шане.
Никогда
он не свернул в мой город, возле
которого так близко был тогда.
Но город был на сгибе карты, стёртом
так, что не различить. И потому
беседа наша с ним не состоялась.

август 1995

* * *

Рука в рукав не попадает.
В Отечестве сменили все замки.
Английское, двусмысленное "key"
до скважины ушной не долетает.

О, тихий Мандельштам, ты наглухо закрыт
рояльной крышкой неба. Отчего же
так явственно печаль твоей игры
доносится, внушая стих подложный.

У Бальмонта заимствует звонарь.
У Тютчева воруют птицы,
из тени в свет перелетая, в сна
гостеприимные страницы.

Так отчего же голос не живет,
гостям не пьется, что ни пой им?
Слепая ласточка все утро напролет,
с обратной стороны земли, над полем
кружит, тебя не узнает.

6 мая 2002

* * *

Город переходит в рябь речную.
Превращаются капоты в плавники,
фары – в немигающие взоры рыбы. Чую
превращенье в дерево руки,
пешехода – в отраженье птицы,
и балкона – в парходную корму.
Словно в сонных тиглях силятся отлиться
в круглые холмы квадраты стен. Тому
сумерки виною, или запах глины
после ливня, но
достигает берега скорее журавлиной
лапой мост, чем свай крестами. Дно
устлано зонтами. Переходит
их узор в короткую траву
по ту сторону реки. Кругами годы
всходят к самым кронам сосен. Звук
времени – вода.
Волна продлится
дальше взгляда, мглы, – всего,
размывая город и глазницы
наблюдателя,
и дальше слёз его.

* * *

Пока ты здесь, я разглядеть пытаюсь
твоё лицо на свет. Пока не меркнет свет,
запоминаю.

Дальше – вечер. Я глаз не отвожу и нет
такой последней тьмы, чтобы заставить
тебя исчезнуть. Даже сон несёт
твоё лицо сквозь странные свои
дымы и комнаты, пока не рассветёт.

Ты здесь, передо мной.
Не в фокусе к плечам
твоим и скулам мир неплотно примыкает.
По звону судя – дождь. По треску о причал
невидимых бортов – прилив и утро. Затекает
за раму акварель: края веранды, склон,
ступени лестницы с откоса,
вокруг тебя меняющийся фон -
ландшафт, со лба сбегает тени. Сносит
и звук дождя, и толчею лучей,
и ветхие хоры,
и облака спадающих плащей
с горы,
листы
с плеч осени.

Я глаз не отведу,
пока твои черты
наносит медленно, как раньше на пластину
фотостекла, покрытого волшебным серебром
коллодия и желатином.
И выдержка длиною в смерть нужна, -
- Не шелохнись! -
чтоб свет дошёл до дна
зрачка и памяти, лицо твоё оставил
во мне,
пока ты здесь,
лицо твоё оставил.

июль – август 1998

* * *

Проходы под руку по городам
заправленных постелей, по рядам,
вдоль улиц, капельниц, пугая

непарных голубей. (Как тапки, впопыхах
затолканы: обход.) В крахмальных колпаках -
врач, медсестра. Пересекая

февральские палаты, на груди
домов бесстыдно задранных гардин
не замечая, сыпи

на стеклах, разеваемых на свет
ворот, и нам смотрящих вслед
привратников, слезы по

щеке стекающей зонта,
исчезнем, двоеточие, с листа
весенней зыби.

13 февраля 2002

ПРОВИНЦИЯ ШТАТА

Узники внутренних тюрем, похоже, не ропщут.
Вестники, письма кладя на порог, чуть,
по снегу, свет, протоптали дорогу жильцам.
Утро - настройка моторов по разным концам,
грянуть готовых, но музыке трудно начаться.
Утренний ребус "куда бы?", но счастью
что-то мешает, его не решить.
Палочка - сумрак смешать с молоком, снег
в нем растопить - дирижерская, где она? Комнат
непокидаемых город картонный
жить не спешит.

январь 2001

* * *

Научи, как пронести во рту,
за щекой, за проходную вор -
слово, не обронив. За ту
сторону ночи, на задний двор.

Как не встретить взгляда в упор,
ружья
в лоб, вопроса, выкрика вслед "лови!",
не ошибиться дверью,
затем очнуться в тиши своего жилья,
спасенья. Ничем не выданной нелюбви.

7 января 2002

РАЗБИТЫМ ЧАСАМ

Ручное время. Ласковый наручник.
Двурушный друг, ни сна не умолчи,
докладывай, старушечий подручный,
накручивай и в грудь себя стучи.

Води кругом, заманивая в чашу,
в еловый хоровод колесиков, пружин,
и спящего оставь – авось обрящет
в успении безвременную жизнь.

Но и во сне, и в скрежете зубовном
сучится нить, строчится протокол.
Оставь его, ужаль в запястье любовно
и к Мойре возвратись стеклянным пауком.

27 октября 2001

17 МАЯ 2002

Вот когда отоснятся и намертво будут забыты
жницы ВДНХ, крупнотельные кони,
копыта заносящие, эти четыре венка
над воротами, скромное счастье мозаик,
образцы колосков, парфеноны синиц,

кисть отложит, устав, археолог,
поднимет глаза и
все припомнит,
песок отирая с ресниц.

* * *

В миру простом, в его простых печалях –
замену пуговице не найти нигде,
помёрзли флоксы, не хватило чая
гостям, и не уснуть, воде
рассказывая сны, живу, считаю
слонов, баранов, поезда
во мгле вагонами качают -
седьмой, двенадцатый, до ста –
и утро.
Время недвижимо,
как запертое на крючок
жильё. И ты внутри. И в жилах
по кругу кровь течёт.

24 мая 1999

* * *

Посмотри - в отрепьях ежась
ужинает голубь под мостом.
Майский холод. Длющийся реки жест,
небо осеняющий крестом.

На четыре каменные части
город поделен, и с них
склевывает, как изюм, несчастный,
все, не торопясь, огни.

19 мая 2002

* * *

Как в том календаре, где наперёд
назначены тюремные свиданья
с луной и солнцем, гаечный завод
и Мендельсон, фигурное катанье
и маковый рулет, и стих о «горны взвей»,
на сером фоне типографской рябью
дрожит число. Как в том календаре,
где братски делят воскресенье Скрябин
с Дзержинским,
там, где обрываешь дни
по верхней кромке, не читая
советов о судьбе, где отогни
страницу и растает
лицо нарколога, проступит обелиск
борцам за Припять. Осень. Поднялись
квадратные листы припомнившей себя
осиной целлюлозы – в небо.
И там-то их по-новому скрепят
в порядке поступления, как во сне о
стране, которой нет уже. Вразлёт:
гербарий – дерево,
воспоминанье – тело,
душа и переплёт.

21 марта 2000, Нью-Йорк

х х х

Горизонт заштрихован нагими ветвями
и прореха зияет в полуденной туче.
Всё мне кажется, кто-то шагает за нами
по высокой траве. По высокой траве.
Тихо дышит в плечо.
Опускается свет.
Поднимается птица на цыпочки – видит из тени:
двое быстро идут сквозь траву, а за ними ещё
кто-то полупрозрачный идёт,
высоко поднимая колени.

август 1998

ЗАКАЗНОЙ МОЛЕБЕН

Рогалик – рыбаку. Охапку сена –
бессонному, и рекам – по венку.
Бездетному шарманщику – полено,
семью выстругивать. Чиновнику на грудь –
звезду бы, ледяную глыбу –
туземцу в засуху. А рыбе –
в рыбацком неводе дыру.

август 2001

* * *

Скатывается, сбегает
вниз, по рукавам, из рук -
прочь, невидимое, таю-
щее, в щели, в новый круг,
обращая свет восточный
в красный вензель на стене
после ужина, в песочный,
осыпающийся, вне
обусловленного донца,
бег, шуршание, за край
подоконника, на солнце
растворяющийся крап
на реке соленой, осыпь,
зыбь, забвение, зерно
падает с ладоней, просо
невесомое, на дно
нераспаханное, ложе
всех утопленниц. Невесть
где посеянное "Боже..."
прорастает тихим "Здесь".

2 июля 2001

* * *

Читая ребенку на ночь, наклоняясь все ниже
над разворотом то ли событий, то ли окна,
то ли реки (золотая закладка моста). « ...За ближним
лесом простиралась его страна.
Спутников обогнав, отогнув последнюю ветку,
он увидел замок, но флаг наверху чужой...»
Взгляд проходит сквозь последнюю «о» на строке. «...и метко
пустив стрелу, он древко сломал.» Свежо,
укройся. Ладно, хотя бы ноги.
«... В ответ – пушечное ядро
мимо уха и рухнуло дерево. На дороге
показались они...» В Нью-Джерси последний отплыл паром
и река пустеет. Рябые строчки,
польхая, по стенам плывут. Согни,
колени, а то неудобно сидеть. До точки.
Завтра. Нет, никто не умрет, никто не умрет, усни.

2 июля 2001 г.

* * *

Никак дыханья не унять,
не выманить из клюва...(сыр?
Нет, весть.) Во мгле не разобрать
породы птицы прилетевшей.

Захлопнуть форточку? Псалтирь
пропеть? (Подхватит – повезло.)
Какое, Господи, число?
Не помню полночи кромешней.

Колотит крыльями, шуршит.
Не ворон, за помин души?
Не голубь с веточкой? Не Леде
являвшийся (перо бы – знать)
прекрасный оборотень? Встать?
Укрыться? Постучать соседям?

Не лебединое перо,
Не голубиное,
Не карк,
Не лавр,
Не пальмовая ветка.

На утро ставни отворит
прозрачная на свет рука,
Мария выйдет на крыльцо,
подымет голову, и век, о,
вечность стой вот так, замри
в своем неведеньи, внутри
пустого неба. Оставайся
безвестной девочкой вдали,
со светом медленно сливайся...

30 августа 2001

* * *

Третий справа на общем.
В последнем ряду посреди
выпускного, в Калязине. Пальмовой веткой
перекрыто лицо, или кто-то вошел – засветил,
а ладонью не всех заслонишь. На Советской
до размена, в коляске с отцом,
черно-белый, не в фокусе. В Сочи на пляже
(было больно смотреть и моргнул). На параде, и даже
почти различаем, и розы венцом
обрамляют чело генерала, но сам он,
проносящий плакат на шесте, затенен.
Те, что в ЗАГСе пропали. Из армии. Смазка. В спортзале –
кувырок. На плацу. Запрещенье снимать: полигон.
Будут деньги – закажем. Найти бы исходный
снимок – нету его до сих пор.
Обещай поискать у себя.
Вот отец обещал – не заходит.
А должна получиться красивая : памятник, ретушь, фарфор.

21 августа 2001

* * *

В поисках опоры в стол
упирайся взглядом, вежды
не смыкая. О престол
каблуками, о корму
локтем. Если битва - прежде
чем из ножен вынуть меч,
повернись лицом к тому
кто напал (спиной о стену).
Если словом не облечь
голоса - молчи. Замена
тверди - вера, что она
существует.
Так и царствуй
на земле, пока видна.

лето 1999

ПЕЙЗАЖИ 2001 года

1.
PASTORAL

Тут все устроено для всех,
таких как ты, доверчивых пришельцев:
кузнечики, скамья – присесть,
сарай с плащами, стол и сеть
от комаров. Простое совершенство
посуды, пижмы, чайника, печи,
приспособлений для растопки,
навеса, утвари, подставки для свечи,
иконницы, аптечки – подлечить
бессонницу, и ниточки для штопки.
На случай ливня – «новые миры»,
не скармливаемые самовару,
и шахматы, конечно же, поры
послевоенной – те еще, пестры
фигуры и латунным шаром
заменена ладья. И все благоволит
к таким, как ты, гостящим неумехам:
лопата, электричество, и лист
бумаги, и салатный лист.
А небо, что забыл полить,
польет или укроет снегом.

2.

Кроме ропота внутри,
кроме гроба на плечах,
кроме гари на свечах,
кроме ямы посреди,

кроме корма для гостей,
кроме рясы и гвоздей,
в снег выпадающих по край
сапога и хруста, есть

и спасительная весть,
и участливое «рай».

3.

...не звучит утопленница-речь.

О.Мандельштам

Таким прозрачным, ветреным – один,
один лишь день Создателю удался
за лето. Лодочник фламандский, перейди
из лодки на бульвар, сюда. Все
рдеют крыши. Все
поиспускали пух на Чистопрудном тополихи,
и греются читатели газет
в лучах, на лавочках, у самых стоп великих.
Уже синица на плече
у Грибоедова уснула,
а продавщица маленьких вещей
возводит трон из кирпичей,
взамен украденного стула.
И подданные к ней по одному,
с поклонами подходят, каждый
взимая от щедрот. Безумие уму
в вину вменялось не однажды,
и неприметным кажется бельмо
в пруду, под быстрой зеленью. Я тоже
гадаю: что это, не Софьино письмо?
Фата Офелии. А может, пух утопший.

* * *

Уже, я знаю, серой солью
в Москве посыпаны дороги,
и голуби распределили между собой

пригодные к жилью карнизы,
а запах серы и фасоли
пришёл на смену хны и яблок. Гурьбой

сбредаются в метро ондатры,
бобры и нутрии. Светает
к одиннадцати, а синее к пяти.

Прогноз обещанной на завтра
погоды не устаревает
и через месяц. Чем темнее, тем ниже снег летит.

И с тем же неотвязным горем
воображенью эмигрантов
являются зима и город, вокзал, набоковский чудак

в своём пенсне оледенелом
глядит на вывеску почтамта,
осознавая, что не снегом
залеплен твёрдый знак.

июнь 2000, Нью-Йорк

ЖЕЛАНИЕ

словом извлечь,
зацепить крючком за губу
глубинную рыбу –
бога с белым пятном на лбу,
гибкой спиной и оловянным оком.
Благую весть
Иоанн ловил – не поймал,
Матфей не поймал. И днесь
и доньне, согбенные, у воды
молча сидят. У проруби
(у звезды
во льду) край зарастает. И рыба дремлет,
живот ко дну прижимая.
Желание длит волну,
дуновенье времени,
дрожь в руке,
дрожь луча на пустом крючке,
удочки с небом вокруг неё
(белым – в знак пораженья).
Желание – житие,
расстояние между
словом и рыбьим ртом,
оком бдящим и оком спящим,
между водой и льдом.
Ни поймать не дано,
ни отличить ловца от ловимого. Рыбы и отраженья
склоненного к ней лица.

июль 2000

* * *

Цвет одеяла, старческого локтя,
фрамуги, тополя, пера,
бухгалтерской тетради, яда,
прочитанных вчера
газет, и олова, и ваты
цвет, выскобленного, как дно
тарелки, потолка палаты,
и наконец, охваченный окном
и оком умирающего, сенью
его ресниц – иной
цвет. Узнавания.
Цвет спасенья.
Последний цвет земной.

февраль 2001, Нью-Йорк

* * *

Это все для тебя:

ледяной самолет на весу
и соринка на линзе бинокля, и то, что
охватимо дыханием – запахи. Свежий мазут,
например, и невнятица клумбы цветочной.

Так послушно смыкаются жесты: взхлест,
подчиняясь невидимым ножницам – пленки.
Полусвет, поворот, превращенье в рапиде колес
в полукружья ворот пролетающих. Шорох щебенки –
в торопливое вдруг бормотание парка и всхлип
из груди голубиной, крыло, покрывало
на фасаде суда на ветру. Очертания лип,
со стекла лобового старательно, как не бывало,
вытирает сырой метроном. Подхвати
на четвертом, примерно, ударе, качанье
ремешка на кольце заводного ключа, и на резкость опять наведи,
и шумы замени на молчанье,
насколько хватает молчанья.

август 2001

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Комната, колышима ветром.
Комната над лесом. Скрип -
крап еловый. Окна меркнут.
Спи-умри.

Еле-еле держится, подвешен
криво за иглу, за высь
ели, покачни скворешник -
рухнет. Спи-вернись

в глубину яйца. Пора, в сна
лечь
тьень, свернуться, в тьмы
землю круглую, обратно,
птичьими костями.

15 февраля 2002

* * *

Дозвониться в приемную - и объявить о себе
- тишины - не дыша, дожидаться приема.
Это имени голос речет в телефонной трубе,
потайная река, проползая под городом, к дому

Твоему, точно раненный к дому, с войны.
И никто не выходит к нему в коридор. Но
все звенит бесполезность в уснувшее ухо упорно -
эхо имя лепечет в приемной - свое - тишины.

До отсутствия, до - никогда - с рычага
не снимаемой истины тянется повод нечеткий.
Черный тянется провод, с которого цифры, как четки,
перебрав их, устало ссыпает рука.

Но ответ на молитву едва представим.
Но сознание раненого покидает
прежде шарканья туфель по лестнице. Данность -
безучастие, Господи. Вечная дальность
между именем, речью, и слухом нечутким Твоим.

3 - 6 апреля 2002

* * *

Каков он был, о, как произнесу,
тот лес...

Данте Алигьери

Не упрекаема разве только
деревьями, я благодарна им -
самоубийцам, их немотой, как
благословеньем хранимая, неукором,
существованием их самим.

И, в темноте их теней, сама - ствол,
боли столп, в изумленьи, то
разглядев, чем стали они, напасти
свои, нечаянный стыд пустой,
отвернись, разглядев.

Они-то простят - могли бы
(потому как сами - вены вины, длящийся плен слича
с веком, веткой собственной жизни в гиблом
лесу,) простить.
Но они молчат.

2 апреля 2002

* * *

Звукосниматель океана
с волны соскальзывает: скрип.
Не сразу уловишь изъян. О,
звук затверженный, о, всхлип,
о, монотонное шипенье,
одной и той же плеск волны
посередине, повторенье
вчерашней ширины луны,
не тающей и не растущей,
пока, подтолкнутая вдруг
своей же тяжестью, на сушу
игла не выпрыгнет за круг.

август 2001

* * *

Как им там, наверху, безрукавным, росу отереть?
Да и не с чего: ветви вместо чела
черноту обрамляя и сами уже поредели на треть.

Как им шепчется там безязыким? И плешь
наклоня, внимает ли небо речам,
или в водах летейских больничные простыни их полоща
позабыло себя самое. Как им спится во мгле
шестизвездочной, с видом на эти сады,
потерявшие всякую прелесть уже, на потертую Гжель
облаков. Им альков – забыть:

сны досматривать. Что им до наших сетей
календарных? Они широки для мальков,
и подавно – прощальных вестей...

октябрь 10 – 18, 2001

ГОЛОСА ВНИЗУ:

«Слушай себя. Считаю:
 сильная доля...» «Можно попить?» «Потом
 попьёшь.» Лифт поднимается. Нарастает
 грохот и разрешается терцией и дождём
 о подоконник. «Вечер уже. Пора мне,
 доскажу при встрече.» «Ну всё-таки, в двух словах.»
 «Да, собственно, это всё.» Лязгает дверь в парадном.
 И уже с балкона: «Зонт! Зонтик возьми!» Кровать,
 судя по звону, двигается направо
 комнаты (потолка). «Бемоль!
 В ноты смотри...» По радио час корана
 с жужжанием переключается на седьмой
 канал. «...переменный ветер,
 облачность, дождевые осадки, гро...»
 «Нет и не будет друга верней на свете,
 нет и не будет...» « ...с твоим свекром
 не сговоришься, алё, ты слышишь меня?» Стекая
 по сомкнутым ставням, вода стучит.
 «... да как-то не до того...» Метроном поставлен
 на тридцать вторые. «Сама лечись,
 задолбала уже, сама подвигай –
 это не так, то не так...» Что-то рушится, заглушая. «Лига,
 написано же. Затакт,
 тарарара, вот отсюда играй до этих
 пор.» « Можно попить?» « На этом всё
 о погоде.» « ...верней на свете
 нет и не будет.»
 Мимо окна пролетает зонт.

2 марта 2001

СОН

Нью-Йоркская гроза. Негромок
шаров (Набоков) перестук.
В порталах греческих бок о бок,
бог о бог с голубем, растут
знамена. Грация озябшим
плечом поводит. Пересверк.
Нью-Йорк. Щебечут тормоза. Чем
игра окончится? За сквер
укатывается, и - в лузу, в метро, последняя из лун.
Сейчас паромщик заскорузлой
рукой потянется к веслу.

11 января 2002

ПАРИКМАХЕРСКАЯ

Детство.
И у ног -
локон полумесяцем.Щенок
замер, забывая чей он. Спит.
Женщина огромная скрипит
туфлями, всем телом, рычагом
стула, ножницами. Потолком.
"Голову на верх, ровнее."Щелк.
Шелк, слетающий со щек.
Забыванье. Ледяной пробор.
Запятая на полях. Упор -
лоб ладони. Гребню - звон о дно.
Дно стакана. Лунное пятно
за бедром и облаком, застыв
в зеркале,- "не шевелись", - не ты.
Мерцай,
лунное, двоящееся от
звезд, пятно лица.

11 февраля 2002

* * *

Дерево говорило,
рекло,
нарекало (по имени),
снизу вверх, как река (вдоль себя), текло,
как речь уплывало (вело, корило),
пустоту покрывало,
как будто надламывало стекло.

Проникая в углы
(тушь на листе), расплывалась сень
древесная,
всё бледней становясь (очертанья вен
вдоль воздетой руки),
разлетаясь, как выдох
(а корни – вдох),
говорило
и речь свою в никуда отпускало дерево, чей поток
разновеликих ветвей и веток струился наверх, туда,
где верх и низ менялись местами,
даль,
с четырех сторон подоженная, как стена
крепости, крепкого тела (столпа, ствола),
ствол обступала (крепость). И все, что не было
зримо, не было небом -
было
деревом, словом,
излившимся вверх теплом
земли, соком её, муравьиной дорогой в рай,
потерявшим значенье жестом
ветви (руки) за край
текста,
в поисках то ли точки,
то ли креста,
птицы,
звезды,
окончания речи - какого-нибудь следа
на пустой странице.

август 2000

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ О МЫСЛЯЩЕМ ТРОСТНИКЕ

-1-

Давно не нарушаемая тишь.
 Дома по краю озера. Такою
 предстала старость тростнику. И лишь
 свой собственный заслыша треск, легко и
 без муки просыпается, затем,
 чтобы забыться вновь.
 Не уставая, кровь
 струится вдоль спины его, нагретой
 косым теплом.
 Ни мысли о былом,
 ни горечи, ни страха усыхания, –
 таким предстанет мыслящий тростник
 окно приотворившему. На миг
 задержанное временем дыханье.

-2-

"Дома в сумерках,
 цвета неба,
 отворены
 для мотыльков, слепней,
 неразборчивых строк и чего-то еще, плывущего к ним извне, боязливо..."-
 - из дневника. -

"...но штрих по кромке волны темней."

"...ноль, лунка в песке -
 начало луча, паучьего шага, лет,
 проведённых у окон..."

Растущий со скоростью скорби свет.

- 3 –

Плечами заслонив
 ночь комнаты от ночи за окном,
 невнятный силуэт посередине рамы
 с белеющим воротником,
 внимает скрежету озерных

цикад. Он видит:

мятые углы
кустов, и вдруг, как от пилы -
срез наверху. Луна. И, черный,
дождь рушится, как дерево, со свистом,
"Как дерево на дно" -
и с этой мыслью
смотрящий удаляется. Окно.

- 4 -

Творимые ливнем круги.

Ось -

тростник.

Циркулем чертит вкось
от себя, один за другим, крутятся:
облако, озеро, гром. В бок
наклонясь -
ореолы лун,
очерк стебля. И о валун
тростник оплетает корни во мгле земли.
Скоро стихнет. Уже вдали показалось небо,
и, медленно взмыв с воды,
выпь облетает озеро.

- 5 -

Если ты,
вглядевшись в своё лицо поутру,
убедишься в том, что настала старость,
что морщины твои повторяют рисунок озерной воды, вокруг
рта проросла трава, и сродни усталость,
изнутри толкающая висок,
той, что облаком движет, склоны
скул серы, будто песок,
и неподвижны губы, сомкнувшись за прошлым словом,
и проступает дверной проём,
в коем робко столпились вещи,
приседая, прильнув друг к другу, стремясь уместиться в нём,
навечно
запечатленный хлам,
готика паутины,
затеня зримое по углам,
придает зеркалу вид картины,
перспективу которой старость сводит почти на нет,

вдруг становится всё единым:
окно, зеркало, озеро, твой портрет,
треснувший в середине.

- 6 -

ТРОСТНИК (шепотом):

Божья трость.
Башня рыб.
Древко знамён небесных.
Тропа крови.
Спинная кость.
Позвоночник озера.
Спица в клубке.
Отвесный громоотвод.
Улика.
Весть.
Тонкое вещество.
Закладка в волнах книги.

Шнур от колокола, натяженье между
тишью и звоном его,

вдох
весь,

и ты.
Последняя мысль, позади
оставляющая надежду.

4 мая 2000 - 24 октября 2002, Нью-Йорк

